

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕЕ (1905–1945 ГГ.)

Павел Александрович Барахвостов,

Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Республика Беларусь,
barakhvostov@yandex.by

Статья поступила в редакцию 10.08.2021, принята к публикации 17.11.2021

Для цитирования: Барахвостов П. А. Институциональные трансформации в колониальной Корее (1905–1945 гг.) // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 108–124. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_108

Аннотация

В работе на примере колониальной Кореи проанализированы особенности колониализма восточного типа: распространение на «внешние территории» централизованной системы управления, осуществляющей контроль в политической, экономической и культурной сферах. Выделены этапы институционального «встраивания» Кореи в структуру Японской империи. Первый, подготовительный, этап связан со временем японского протектората (1905–1910) и характеризуется трансплантацией институтов переходного типа, направленных на ограничение корейских властей в принятии самостоятельных решений во внутренней и внешней политике, «имплантацией» проводников японского влияния во все властные структуры, перестройкой силового блока. Второй этап (1910–1920) совпадает с периодом построения фундамента бюрократизированного государства, способного как контролировать, так и трансформировать общественную систему. Основная задача – создание государственно-регулируемого высокоэффективного, ориентированного на экспорт сельского хозяйства. Главным инструментом достижения этого явилось создание разветвленной сети спонсируемых государством ассоциаций, которые влияли на производство фермеров, а также формирование рыночных сетей, посредством которых осуществлялась организация потоков экспортируемой

© Барахвостов П. А., 2021

и импортируемой продукции в рамках общеимперской экономики. На третьем этапе (1920–1930) происходит усложнение бюрократической государственной машины и построение государственно-управляемой капиталистической экономической модели в колонии. Четвертый, заключительный, этап (1930–1945) – период индустриализации и экономического роста, сопровождавшийся укреплением рыночных экономических институтов при консолидации авторитарно-бюрократического политического режима, ориентированного на усиление эксплуатации корейского населения и подавление национального корейского самосознания. Делается вывод о том, что на всех этапах осуществление как экономических, так и политических институциональных трансформаций было обусловлено необходимостью встраивания колониальной Кореи в общеимперскую экономику. Однако полной интеграции достичь не удалось. Попытка насильственной социокультурной гомогенизации данных территорий с внутренними областями империи, выстраивание асимметричных взаимоотношений «хозяин (Япония) – слуга (Корея)» способствовали разлому общеимперской социальной системы и послужили причиной трений в дальнейших межгосударственных отношениях.

Ключевые слова:

институты, социальная система, колонизация, колониальное управление, колониальная политика.

UDC 325

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_108

INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS IN COLONIAL KOREA (1905–1945)

Pavel A. Barakhvostov,

Belarus State Economic University,
Minsk, Republic of Belarus,
barakhvostov@yandex.by

Article received on August 10, 2021, accepted on November 17, 2021

For citation: Barakhvostov, P.A. (2021). Institutional Transformations in Colonial Korea (1905–1945). *Discourse-P*, 18(4), 108–124. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_108

Abstract

The paper employs the case of colonial Korea to analyze the features of the Oriental type of colonialism: the spread of the centralized management system exercising control in the political, economic, and cultural spheres to the “external territories”. The stages

of the institutional integration of Korea into the structure of the Japanese Empire are highlighted. The first (preliminary) stage is associated with the period of the Japanese protectorate (1905–1910) and is characterized by transplantation of institutions of transitive type, aimed at limiting the autonomy of the Korean authorities in domestic and external decision-making, “implantation” of agents of Japanese influence into all power structures, and rebuilding of the law enforcement bodies and the armed forces. The second stage (1910–1920) coincides with laying the foundation of the bureaucratized state capable of both controlling and transforming the social system. The main task at this point was to create state-regulated, highly efficient, export-oriented agriculture. The key instrument of achieving this task was the formation of an extensive network of state-sponsored associations that influenced agricultural production according to the state requirements as well as market networks to channel exported and imported goods within the imperial economy. The third stage (1920–1930) is the period of complication of the state bureaucratic machine and formation of the state-controlled capitalist economic model in the colony. The fourth and final stage (1930–1945) is characterized by industrialization and economic growth accompanied by the strengthening of market economic institutions and consolidation of the authoritarian bureaucratic regime focused on further exploitation of the Korean population and suppression of the Korean national identity. It is concluded that at all stages, the implementation of economic and political institutional transformations was caused by the need to integrate Korea in the imperial economy. However, full integration was never accomplished. The attempt of forced social and cultural homogenization of these territories with the empire’s internal regions and building of asymmetric relations “master (Japan) – servant (Korea)” facilitated the collapse of the imperial social system and contributed to much further tension in later interstate relations.

Keywords:

institutions, social system, colonization, colonial government, colonial policy.

Введение

Турбулентность современного мира, нарастающая асимметрия мирового политического и экономического пространства и попытки пересмотра системы международных отношений актуализировали проблему исследования колониализма. Ее изучение и переосмысление открывают значительные перспективы при познании современных мировых политических и общественных процессов.

Длительное время в социальных науках доминировала классовая теория колониализма, базирующаяся на марксистском понимании отношений эксплуатации в классовом обществе. В рамках данной теории колониализм характеризуется как политическое, экономическое и культурное господство индустриально развитых стран и регионов мира. Развитие социально-гуманитарного знания в XX в. обусловило появление новых концепций, предложивших несколько другие подходы к анализу формирования колониальных отношений. Среди них – неинституционализм. Его ядром является представление о социальной системе как целостном интегрированном образовании, включающем три взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы – экономическую, политическую

и социокультурную. Регулировать ее функционирование позволяет сложная структура институтов – «правил игры», которые структурируют социальное действие (North, 1990). Будучи «устойчивыми моделями взаимодействий в социуме» (Дюркгейм, 1995), институты не являются застывшим конструктом. Их изменения отражают преобразования социальной системы, которые могут быть вызваны как внутренними, так и внешними факторами. К числу последних можно отнести, в частности, геополитическое переформатирование пространства и, как следствие, образование некоего интеграционного объединения, которое может обладать свойствами симметрии (отношения внутри объединения выстраиваются на основе равноправия участников), либо быть асимметричным. Примером сильной асимметрии является империя, включающая метрополию и колонии. При формировании указанной системы (и, соответственно, выстраивании колониальных отношений) имеет место институциональное сближение ее составляющих, осуществляемое преимущественно за счет «трансплантаций» (Полтерович, 2001) институтов метрополии в колониях.

Сегодня политики и ученые все активнее заявляют о наступлении эры неокOLONIALИЗМА, что обуславливает актуальность исследования особенностей формирования и эволюции империй. Представляет интерес, какие институциональные трансплантации, механизмы и инструменты их осуществления способствуют повышению устойчивости системы, какие – обуславливают хрупкость.

Огромный эмпирический материал для решения данной проблемы представляет исторический опыт человечества. При этом довольно много исследований западной цивилизации (Барахвостов, 2020; Dowd et al., 2013; La Porta et al., 1998; Lehmbbruch, 2000; Ostrom, 1982; Roland, 2000; Singh, 1970; Stiglitz, 1998). Однако «в условиях современного глобализирующегося мира с его сложными и многообразными внутренними связями односторонность ведет к утрате эвристической ценности и способности адекватно понимать реальность» (Пантин, 2000, с. 139). Необходима разработка теории, вбирающей в себя опыт развития различных фрагментов мира. Особый интерес вызывает изучение колониализма восточного типа, реализованного в Японской империи. Среди ее бывших колоний один из «четырёх азиатских тигров» – Южная Корея.

В русскоязычной, как правило, исторической литературе внимание фокусируется на негативных аспектах колонизации. Авторами детально проанализированы обстоятельства оформления протектората и аннексии Кореи (Козлова, 2011; Макаrchук, 2010), представлен богатый эмпирический материал, иллюстрирующий корейское национально-освободительное движение (Василевская, 1975; Пак, 2006; Шипаев, 1964), экономические и социальные изменения, произошедшие в колониальный период (Иванов, 2016; Ким, 2012; Овчинникова, 2019). Заслуживает внимания монография В.М. Тихонова и Кан Мангиля (2011), в которой анализируется противоречивость социально-экономических и политических процессов, имевших место в колониальной Корее.

В англоязычной литературе выявляются причины колонизации Кореи, к числу которых относят, в частности, слабость государственной машины (Cumings, 1984; Palais, 1975). Нередко проблематика японского владычества увязывается с концепцией модернизации (Buzo, 2002; Cumings, 1987; Eckert, 1991; Eckert, 1996; Kohli, 1994; Lim, 1999; McNamara, 1990). Отмечая экономические успехи в колониальный период, авторы подчеркивают неравномерность

распределения выгод от него – «рост без развития». По их мнению, к числу наиболее значимых результатов этого времени следует отнести: преобразование государственного аппарата, разработку новой модели взаимодействия государства и бизнеса, фундаментальную трансформацию социальных отношений.

Корейскими авторами колониальный период анализируется, как правило, с критических позиций (Kim, 2007; Yoo, 2016), административный аппарат представляется в качестве репрессивного органа (Shin, Sin, 1996). Тем не менее в последние годы появляются работы, посвященные исследованию экономической и культурной модернизации в период японского владычества (Lee et al., 2013).

Определенный интерес данная проблематика вызывает и в японской научной среде. При этом внимание исследователей акцентируется на особенностях индустриализации (Kimura, 2018), образовательной политике (Tsugumi, 2020).

В целом институциональные механизмы и инструменты воздействия Японии на колониальную Корею изучены недостаточно. Исследованию данной проблемы и посвящена настоящая работа. Методологической основой исследования является исторический неинституционализм.

Этапы институциональной трансформации Кореи в колониальный период

На протяжении веков для Японии противостояние Западу являлось основой внутреннего единения. Образование японского государства рассматривалось как условие противодействия колониальным захватам крупных западных держав, нацелившихся на восточноазиатский регион.

Осуществленные в эпоху Мэйдзи институциональные изменения, суть которых заключалась в создании эффективного централизованного государства, способного как контролировать, так и трансформировать общество, обусловили быстрый рост Японии и ее становление в качестве региональной державы. Однако необходимым условием дальнейшего развития являлось формирование сферы влияния, зоны обеспечения национальной безопасности, в связи с чем возникла идея построения «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии», что предусматривало политическую интеграцию государств региона под эгидой японского государства для противостояния западным державам. Японией был предложен силовой метод переформатирования геополитического пространства, чему в значительной степени содействовала ее победа в Русско-японской войне и, как следствие, появившаяся самоуверенность в возможности расширять свое колониальное присутствие в регионе.

Одним из главных объектов экспансии была определена географически близкая, имеющая расовое и культурное сходство Корея, стабильность в которой рассматривалась как главная гарантия национальной безопасности. «Встраивание» Кореи в структуру Японской империи предполагало институциональное сближение новых территорий и метрополии. Можно выделить несколько этапов данного процесса.

Первый (подготовительный) этап связан со временем японского протектората (1905–1910) и характеризуется созданием институтов переходного типа, направленных на ограничение корейских властей в принятии самостоятель-

ных решений во внутренней и внешней политике, тотальной «имплантацией» проводников японского влияния во все властные структуры, перестройкой силового блока.

Первым шагом явилось создание центрального института с особыми «рекомендательно»-контролирующими функциями – Управления генерального резидента, призванного заниматься вопросами внешних сношений Кореи, использовать японские вооруженные силы для поддержания порядка в стране, давать «рекомендации» корейскому правительству, издавать приказы, обязательные для исполнения (Курбанов, 2018, с. 441). С 1907 г. согласие генерального резидента требовалось при принятии корейским правительством законов и важных административных решений; его санкция была необходима при назначении на высокопоставленные государственные должности. В регионах вместо японских консульств учреждались управления провинциальных резидентов, обладающих подобными правами.

Следующим шагом стала реорганизация судебной системы: создание нового, подконтрольного японцам Верховного суда и введение в качестве необходимого условия присутствия японских советников во всех столичных и местных судах, результатом чего стало качественное изменение их кадрового состава (вследствие используемого механизма *замещения* к 1909 г. 69% персонала корейских судов составляли японцы) (Курбанов, 2018, с. 443).

Третьим важным шагом стало формирование японской жандармерии, насаждение в корейскую полицию японских советников и, наконец, в соответствии с указом от 31 июля 1907 г., роспуск корейской армии.

Экономическая подготовка последующей инкорпорации осуществлялась посредством созданного в 1908 г. японско-корейского Восточного колонизационного общества, две трети капитала которого принадлежали японцам, причем крупнейшим держателем акций явилось японское правительство. С 1910 г. это общество координировало свою работу с Колонизационным бюро, находившимся в Японии (Курбанов, 2018, с. 443).

Идеологически инкорпорация Кореи в империю подготавливалась путем пропаганды идей «единых корней» японского и корейского народов и объявления корейского языка и культуры лишь «ветвью» японского. Осуществлению подобной обработки населения способствовали изданные в 1908–1909 гг. указы о печати, передавшие контроль над издательским делом в руки японской администрации.

Следует отметить, что осуществленные Японией в Корее институциональные преобразования были достаточно эффективными с точки зрения достижения поставленной цели – экономически, политически и идеологически подготовить инкорпорацию Кореи.

22 августа 1910 г. был подписан Корейско-японский договор о соединении, что положило начало *второму этапу* институциональных трансформаций Кореи (1910–1920), в ходе которого был построен фундамент бюрократизированного государства, проникающего во все сферы жизни корейского общества.

Одним из важных инструментов реализации данной задачи стала административно-территориальная реформа, начатая указом № 319 японского императора от 29 августа 1910 г., в соответствии с которым в Корее было учреждено генерал-губернаторство во главе с генерал-губернатором (япон-

цем, имевшим соответствующий военный чин). 30 сентября 1910 г. был обнародован указ о новой системе управления (Beasley, 1991). В соответствии с ним, несмотря на формальную подотчетность императору, власть генерал-губернатора была практически неограниченной: ему подчинялись все органы государственного управления, в его ведении находились полиция и армия, он имел право назначения на должности и снятия с них, право издания законов, которые для данных территорий, вообще говоря, были особыми, отличными от японских.

Генерал-губернаторство было поделено на 13 провинций, во главе которых находились японские губернаторы. Для осуществления государственного управления создана японо-корейская администрация – сложный бюрократический аппарат по типу японского. В дополнение к нему – хорошо организованная полиция, ставшая в 1910–1920 гг. главной опорой колониальным властям.

Что обеспечивало эффективное функционирование системы государственного управления, этой сложной бюрократической машины? Прежде всего высокая степень централизации: власть генерал-губернатора была практически абсолютной, а возможности бюрократии на местах строго контролировались и были крайне ограниченными. Большинство чиновников в центре являлись военными людьми, привыкшими к безусловному подчинению. Кроме того, для противодействия коррупции региональных или местных чиновников им устанавливалась достаточно высокая оплата труда, что свидетельствует об использовании японцами механизма положительной (стимулирующей) обусловленности. При этом в целях укрепления доверия населения к власти местная бюрократия должна была избегать демонстрации своих доходов. В ранний колониальный период она даже следовала дресс-коду – одевалась так, чтобы чиновников невозможно было по одежде отличить от среднестатистического гражданина. Далее, практиковались замены провинившихся в чем-либо чиновников другими (японскими, либо зарекомендовавшими себя корейскими кадрами). Наконец, хорошая организация полиции. Как правило, старшие офицеры были японцами, но около половины всех полицейских – это корейцы, зачастую из низших социальных сословий. Полицейские силы наделялись широкими полномочиями. Они не только следили за порядком и соблюдением закона, но и осуществляли контроль за образованием, религией, моралью, здравоохранением, сбором пошлин, имели право входить в любые помещения, выступать в суде в качестве обвинителя, совершать «ускоренные приговоры» безо всякого суда и следствия и др. (Eckert et al., 1990, p. 259).

Государственная машина ориентировалась на выполнение определенных задач, среди которых центральное место на данном этапе занимало создание регулируемого государством высокоэффективного, экспортно-ориентированного сельского хозяйства. Это требовало задействования целого комплекса инструментов.

При генерал-губернаторстве были учреждены особые органы, организованные по японскому образцу из обученных и дисциплинированных чиновников, такие как Управление железных дорог, Управление связи, Временное управление по инспектированию земель.

Следующим инструментом решения поставленных задач стал указ 1910 г. об обследовании земель; в соответствии с ним территории, владельцы которых

не могли подтвердить прав владения документально, были переведены в собственность генерал-губернаторства (Пак, 2003, с. 763). В результате за период 1910–1920 гг. в японскую собственность перешло около 40 % всех пахотных земель Кореи и 50 % ее лесов.

Значимым инструментом стало реформирование финансовой системы: удаление из обращения обесцененных никелевых монет, введение иены, создание Центробанка, выстраивание иерархии других поддерживаемых государством банков, реорганизация налоговой системы для направления всех доходов в Министерство финансов и увеличения государственных доходов за счет комбинации новых налогов.

Однако наиболее значимым инструментом достижения поставленной цели явилось создание разветвленной сети спонсируемых государством ассоциаций, которые влияли на производство фермеров в соответствии с желаниями правительства, а также формирование рыночных сетей, посредством которых осуществлялась организация потоков экспортируемой и импортируемой продукции в рамках общеимперской экономики (Henry, 2016). Кроме того, требование эффективности сельского хозяйства обусловило необходимость внимания колониального правительства к внедрению новых высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур, инвестициям в ирригацию и другие сельскохозяйственные технологии.

Для решения экономических задач была необходима подготовка квалифицированной рабочей силы, что потребовало трансплантации социокультурных институтов, в частности, реформирования системы образования. Фокус был сосредоточен на начальном обучении, получении практических навыков. Вместе с тем образование ориентировалось на искоренение (или, по меньшей мере, игнорирование) корейской культуры. Закрылось большинство корейских газет, в том числе те, что издавались на японском языке.

Окончание Первой мировой войны открыло *третий этап* институциональных трансформаций (1920–1930) – период усложнения бюрократической государственной машины и окончательного построения аграрно-капиталистической экономической модели в колонии.

С середины 1920-х гг. цены на сельскохозяйственные товары во всем мире начали значительно снижаться. В Корею, например, в период с 1924 по 1930 гг. цены на хлопок уменьшились с 27 до 7,96 иен за килограмм, на рис – с 19,26 до 6,61 иены за сом (Stephens, 2017). Высокий экспорт риса в метрополию стал нежелательным, и японское правительство приняло ряд дополнительных шагов по контролю над рисовыми потоками, в частности: были введены ограничения на экспорт корейского риса в Японию, фокус внимания в колонии сместился на строительство и эксплуатацию складских помещений (на их строительство выделялись государственные субсидии с покрытием до 70 % затрат; за хранимое на складах зерно выдавались ссуды под низкие проценты). При этом задача управления хранилищами решалась опосредованно (через расширение сети и поощрение сельскохозяйственных ассоциаций).

Вместе с тем в связи с захватом Маньчжурии и бурным развитием ткацкой промышленности в Японии важной статьей корейского экспорта в метрополию оставался хлопок-сырец. При этом для его производства стали активно использоваться женщины, труд которых оценивался гораздо дешевле, чем мужчин.

Важной особенностью экономических трансформаций в колониальной Корее в данный период является увеличение экспорта японского капитала, что подготовило последующую индустриализацию.

Таким образом, к концу второго десятилетия в колонии была окончательно построена аграрно-капиталистическая экономическая модель.

Изменения в экономике обусловили усложнение и политической сферы. С октября 1920 г. в Корее появилось местное самоуправление (по японскому образцу), были учреждены советы в провинциях, городах, приравненных к провинциям, и районах.

Четвертый (заключительный) этап институциональных трансформаций в колониальной Корее (1930–1945) – период индустриализации и экономического роста, сопровождавшийся усилением рыночных экономических институтов, при сохранении авторитарно-бюрократического политического режима, ориентированного на усиление эксплуатации корейского населения и подавление национального корейского самосознания. Доминантой японской колониальной политики данного этапа явилось включение Кореи в систему обеспечения боевых возможностей японской армии в военный период.

Вступление Японии в войну с Китаем, а затем во Вторую мировую войну обусловили необходимость развития японской оборонной промышленности, требовавшей сырья, которое имелось в северной части Корейского полуострова (каменный уголь, железная руда, вольфрам, молибден, свинец, графит). Это послужило причиной индустриализации и бурного экономического роста Кореи и, как следствие, усиления рыночных экономических институтов. Однако особенностью данного кейса является контролируемость этого усиления государством.

Важными объектами промышленного развития Кореи, причем преимущественно в ее северной части, стали горнодобывающая, металлургическая, химическая промышленности. В машиностроительной отрасли также произошли изменения: появились заводы по производству железнодорожных составов и небольших судов, в военное время – машин и самолетов (Курбанов, 2018, с. 506). При этом капитал активно использовал государственные субсидии (редистрибутивные институты) для создания промышленного производства (Kimura, 2018, p. 31).

Интенсивный рост промышленности Кореи требовал развития электроэнергетики. К 1945 г. в Корее существовало около 150 крупных электростанций, которые полностью контролировались японским капиталом (Курбанов, 2018, с. 506).

Захват Японией Маньчжурии (1931) и вступление в войну с Китаем (1937) стали причинами развития в Корее железнодорожного транспорта, который играл роль транспортного коридора между Японией и Китаем. Примечательно, что большая часть железных дорог принадлежала государству (Японии).

В то же время осуществлялись преобразования и в сельском хозяйстве, особенно значимые в 1930-х: наблюдался существенный рост поддерживаемых и направляемых государством сельскохозяйственных ассоциаций, организовавших закупку семян и техники, продажу урожая и т. д., причем в них включались и бедные фермеры.

В данный период институциональные трансформации осуществлялись и в политической сфере. В 1931 г. городские советы, которые до этого были

совещательными органами при мэре города, получили полномочия местной исполнительной власти.

Наблюдался значительный рост и усложнение бюрократического аппарата: если в 1910 г. в японо-корейской администрации насчитывалось 10 000 служащих, к 1937 г. это число увеличилось до 87 552, из которых более половины (52 270) японцы (Kohli, 1994, p. 1273). При сравнении, например, колониальных Кореи и Вьетнама мы видим, что на каждого французского чиновника во Вьетнаме приходилось пятнадцать японских чиновников в Корее (Eckert et al., 1990, p. 257). Отметим значительное присутствие корейцев в бюрократическом аппарате.

Заключительный период японского владычества характеризовался широким использованием механизма отрицательной (репрессивной) обусловленности в отношении корейского населения. Это требовало увеличения полиции: численность служащих в ней возросла от 6 222 в 1910 г. до 20 777 в 1922 г. и 60 000 в 1941 г. (Eckert et al., 1990, p. 259).

Институциональные трансформации в социокультурной сфере были направлены, с одной стороны, на подготовку квалифицированной рабочей силы: к 1941 г. уровень грамотности среди местного населения достиг 50 % (Kohli, 1994, p. 1275). С другой – на подавление национального самосознания, которое рассматривалось как угроза колониальной власти. В 1937 г. был издан указ о запрещении употребления корейского языка в государственных учреждениях. Японский стал называться родным. Корейцы, не владевшие японским, должны были пользоваться услугами переводчика. С 1938 г. было прекращено преподавание корейского языка в школах. При этом для борьбы с его употреблением японские учителя ввели систему наказаний и премий.

Разворачивалась пропаганда теории об общих корнях корейского и японского народов. Активно внедрялась японская национальная религия синто. С 11 февраля 1940 г., как один из этапов политики ассимиляции, началась кампания по замене корейских фамилий на японские (Иванов, 2012). По отчетам колониальных властей, к августу того же года около 80 % корейцев сменили фамилии.

По замыслу колонизаторов корейцы должны были стать «народом-слугой» Японской империи, готовым принести себя в жертву ради нее. Особенно четко данная позиция проявлялась в предвоенное и военное время. В феврале 1938 г. был опубликован закон о «добровольном» наборе корейцев в имперские сухопутные войска. С 1942 г. в корейских школах было введено обязательное военное обучение, а с 1943 г. (как и в Японии) в армию стали призываться учащиеся школ. Корейцами укомплектовывались как сухопутные войска, так и флот. В целом в японской армии вынуждены были служить 360 тыс. корейцев (Курбанов, 2018, с. 510).

В апреле 1938 г. был опубликован закон «О всеобщей мобилизации во имя государства», согласно которому японская колониальная администрация могла использовать любые материальные и трудовые ресурсы Кореи для имперских нужд. В соответствии с законом «О регулировании распределения зерновых Кореи» на военные нужды изымалось около 40–60 % сельскохозяйственной продукции. Свыше 667 тыс. корейцев были привлечены к работам на рудниках, оборонных заводах, строительстве оборонительных сооружений.

Особой «болевой» точкой во взаимоотношениях Кореи и Японии до настоящего времени остается проблема вианбу («женщин-успокоительниц»), подразделение которых были созданы по указу от 23 августа 1944 г. Считается, что в них насильственно мобилизовали для японской армии от 140 до 180 тыс. корейских женщин и девушек от 12 до 40 лет (Курбанов, 2018, с. 510).

В целом социокультурная политика японских колониальных властей на данном этапе была направлена на выстраивание асимметричных взаимоотношений «хозяин (Япония) – слуга (Корея)», что способствовало разрушению общеимперской социальной системы.

Каковы же последствия колониального периода? В ходе «встраивания» Кореи в Японскую империю была осуществлена замена изживших себя династических институтов управления на высокоцентрализованный и чрезвычайно дееспособный государственный аппарат. Колониальное наследие создало благоприятные условия для развития сильного централизованного государства. Вместе с тем неоднородное внутристрановое экономическое развитие, усугубленное японской колониальной политикой, способствовало разделу Кореи на Север и Юг после обретения независимости в 1945 г.

Заключение

Таким образом, в работе на примере колониальной Кореи проанализированы особенности колониализма восточного типа: распространение на «внешние территории» централизованной системы управления, осуществляющей контроль как в политической, так и в экономической и культурной сферах; для успешного противостояния западному миру создание геополитической мощи, полностью подконтрольной метрополии, что предполагает способствование индустриализации колоний и подготовку дисциплинированной и образованной рабочей силы.

Выделены этапы институционального «встраивания» Кореи в структуру Японской империи. Первый из них (подготовительный) связан со временем японского протектората (1905–1910) и характеризуется созданием (в дополнение к существующим) институтов переходного типа, направленных на ограничение корейских властей в принятии самостоятельных решений во внутренней и внешней политике, тотальной «имплантацией» проводников японского влияния во все властные структуры, перестройкой силового блока для предотвращения возможного сопротивления. Второй этап (1910–1920) совпадает с периодом построения фундамента бюрократизированного государства, способного как контролировать, так и трансформировать общественную систему. Основная задача на данном этапе – создание государственно-регулируемого высокоэффективного, экспортно-ориентированного сельского хозяйства. Главным инструментом достижения поставленной цели явилось создание разветвленной сети спонсируемых государством ассоциаций, которые влияли на производство фермеров в соответствии с требованиями властей, а также формирование рыночных сетей, посредством которых осуществлялась организация потоков экспортируемой и импортируемой продукции в рамках общеимперской экономики. Третий этап (1920–1930) – это период усложнения бюрократической государственной машины и построения государственно-управляемой капиталистической экономической модели в колонии. Четвертый, заключительный, этап (1930–1945) – период индустриализации

и экономического роста, сопровождавшийся укреплением рыночных экономических институтов при консолидации авторитарно-бюрократического политического режима, ориентированного на усиление эксплуатации корейского населения и подавление национального корейского самосознания.

На всех этапах осуществление как экономических, так и политических институциональных трансформаций было обусловлено необходимостью встраивания колониальной Кореи в общеимперскую экономику. Тем не менее полной интеграции достичь не удалось. Попытка насильственной социокультурной гомогенизации данных территорий с внутренними областями империи, встраивание асимметричных взаимоотношений «хозяин (Япония) – слуга (Корея)» способствовали разлому общеимперской социальной системы и послужили причиной трений в дальнейших межгосударственных отношениях.

Список литературы

1. Барахвостов, П. А. (2020). Великое княжество Литовское: опыт институциональных трансплантаций. *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук*, 65(4), 424–432. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-424-431>
2. Василевская, И. И. (1975). *Колониальная политика Японии в Корее накануне агрессии (1904–1910 гг.)*. М.: Наука.
3. Дюркгейм, Э. (1995). *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. М.: Канон.
4. Иванов, К. В. (2012). Особенности интеграционной политики Японской империи в Корее и на Тайване в первой половине XX в. *Вестник Иркутского государственного технического университета*, (10), 350–356.
5. Иванов, К. В. (2016). История колониальной Кореи: политика, опрокинутая в прошлое. В *Корейский полуостров в эпоху перемен* (с. 94–103). М.: ИДВ РАН.
6. Ким, Н. Н. (2012). В поисках методологии исследования социальной структуры Кореи колониального периода. *Вестник российского корееведения*, (4), 60–74.
7. Козлова, Д. Н. (2011). Установление протектората Японии над Кореей с точки зрения международного права. *Вестник российского корееведения*, (3), 5–14.
8. Курбанов, С. О. (2018). *История Кореи с древности до начала XXI века*. СПб.: СПбГУ.
9. Макаручук, О. И. (2010). Аннексия Кореи Японией в 1908–1910 гг. *Вопросы истории*, (3), 153–158.
10. Овчинникова, Л. В. (2019). Колониальное управление в Корее (1910–1945) в зеркале служебных изданий японского генерал-губернаторства. *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*, (3), 4–18.
11. Пак, Б. Д. (2006). *СССР, Коминтерн и корейское национально-освободительное движение: 1918–1925. Очерки, документы, материалы*. М.: Институт востоковедения РАН.
12. Пак, М. Н. (2003). *История и историография Кореи*. М.: Восточная

литература РАН.

13. Пантин, В. И. (2000). Сможет ли российская наука понять, что происходит в России? *Pro et Contra*, 5(2), 138–148.

14. Полтерович, В. М. (2001). Трансплантация экономических институтов. *Экономическая наука современной России*, (3), 24–50.

15. Тихонов, В. М., Кан Мангиль (2011). *История Кореи. Т. 1: С древнейших времен до 1904 г.* М.: Наталис.

16. Шипаев, В. И. (1964). *Колониальное закабаление Кореи японским капитализмом (1895–1917)*. М.: Наука.

17. Beasley, W. G. (1991). *Japanese imperialism 1894–1945*. Oxford: Oxford University Press.

18. Buzo, A. (2002). *The making of modern Korea*. New York: Routledge.

19. Cumings, B. (1984). The origins and development of the Northeast Asian political economy: Industrial sectors, product cycles, and political consequences. *International Organization*, 38(1), 1–40. <https://doi.org/10.1017/S0020818300004264>

20. Cumings, B. (1987). The legacy of Japanese colonialism in Korea. In R. H. Myers & M. R. Peattie (Eds.), *The Japanese Colonial Empire, 1895–1945* (pp. 478–496). Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9780691213873-017>

21. Dowd, A. C., Pak, J. H., & Bensimon, E. M. (2013). The role of institutional agents in promoting transfer access. *Education Policy Analysis Archives*, 21(15). <https://doi.org/10.14507/epaa.v21n15.2013>

22. Eckert C. J., Lee K., Lew Y. I., Robinson M., & Wagner E. W. (1990). *Korea old and new: A history*. Seoul: Ilchokak.

23. Eckert, C. (1991). *Offspring of Empire: The Koch'ang Kims and the colonial origins of Korean capitalism, 1876–1945*. Seattle: University of Washington Press.

24. Eckert, C. (1996). Total war, industrialization and social change in late colonial Korea. In *The Japanese Wartime Empire, 1931–1945* (pp. 3–39). Princeton: Princeton University Press.

25. Henry T. A. (2016). *Assimilating Seoul: Japanese rule and the politics of public space in Colonial Korea, 1910–1945*. Berkeley: University of California Press.

26. Kim, J. C. (2007). The Pacific war and working women in late colonial Korea. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 33(1), 81–103. <https://doi.org/10.1086/518392>

27. Kimura, M. (2018). Colonial development of modern industry in Korea, 1910–1939/40. *Japan Review*, 2(2), 23–44.

28. Kohli, A. (1994). Where do high growth political economies come from? The Japanese lineage of Korea's "developmental state". *World Development*, 22(9), 1269–1293. [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(94\)90004-3](https://doi.org/10.1016/0305-750X(94)90004-3)

29. La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., & Vishny, R. W. (1998). Law and finance. *Journal of Political Economy*, 106(6), 1113–1154.

30. Lee, H. Y., Ha, Y. C., & Sorensen, C. W. (Eds.). (2013). *Colonial rule and social change in Korea, 1910–1945*. Seattle: University of Washington Press.

31. Lehmbuch, G. (2000). Institutional change in the East German transformation process. The role of the State in the reorganization of property rights and the limits of institutional transfer. *German Politics and Society*, 18(3), 13–47.

<https://doi.org/10.3167/104503000782486507>

32. Lim, T. C. (1999). The origins of societal power in South Korea: Understanding the physical and human legacies of Japanese colonialism. *Modern Asian Studies*, 33(3), 603–633. <https://doi.org/10.1017/S0026749X99003388>

33. McNamara, D. L. (1990). *The colonial origins of Korean enterprise 1910–45*. New York: Cambridge University Press.

34. North, D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

35. Ostrom, E. (1982). *Strategies of political inquiry*. Beverly Hills: Sage.

36. Palais, J. B. (1975). *Politics and policy in traditional Korea*. Cambridge: Harvard University Press.

37. Roland, G. (2000). *Transition and economics. politics, markets and firms*. Cambridge: The MIT Press.

38. Shin, G. W., & Sin, K. U. (1996). *Peasant protest & social change in colonial Korea*. Seattle: University of Washington Press.

39. Singh, P. (1970). Problems of institutional transplantation: The case of the commonwealth Caribbean local government system. *Caribbean Studies*, 10(1), 22–33.

40. Stephens, H. (2017). *Agriculture and development in an age of empire: Institutions, associations, and market networks in Korea, 1876–1945*. Retrieved July 25, 2021, from <https://repository.upenn.edu/edissertations/2593>

41. Stiglitz, J. (1998). Distinguished lecture on economics in government. The private uses of public interests: Incentives and institutions. *Journal of Economic Perspectives*, 12(2), 3–22.

42. Tsurumi, E. P. (2020). Colonial education in Korea and Taiwan. In *The Japanese colonial empire, 1895–1945* (pp. 275–311). Princeton: Princeton University Press.

43. Yoo, T. J. (2016). *It's madness: The politics of mental health in colonial Korea*. Oakland: University of California Press.

References

1. Barakhvostov, P. A. (2020) Velikoe knjazhestvo Litovskoe: opyt institucional'nyh transplantacij [Grand Duchy of Lithuania: Institutional transplantation experience]. *Vesci Nacyjanal'naj akademii navuk Belarusi. Seryja gumanitarnyh navuk*, 65(4), 424–432. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-424-431>

2. Beasley, W. G. (1991). *Japanese imperialism 1894–1945*. Oxford: Oxford University Press.

3. Buzo, A. (2002). *The making of modern Korea*. New York: Routledge.

4. Cumings, B. (1984). The origins and development of the Northeast Asian political economy: Industrial sectors, product cycles, and political consequences. *International Organization*, 38(1), 1–40. <https://doi.org/10.1017/S0020818300004264>

5. Cumings, B. (1987). The legacy of Japanese colonialism in Korea. In R. H. Myers & M. R. Peattie (Eds.), *The Japanese Colonial Empire, 1895–1945* (pp. 478–496). Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9780691213873-017>

6. Dowd, A. C., Pak, J. H., & Bensimon, E. M. (2013). The role of institutional agents in promoting transfer access. *Education Policy Analysis Archives*, 21(15). <https://doi.org/10.14507/epaa.v21n15.2013>
7. Durkheim, E. (1995). *Sociologija, ee predmet i prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, and purpose]. Moscow: Kanon.
8. Eckert C.J., Lee K., Lew Y.I., Robinson M., & Wagner E. W. (1990). *Korea old and new: A history*. Seoul: Ilchokak.
9. Eckert, C. (1991). *Offspring of Empire: The Koch'ang Kims and the colonial origins of Korean capitalism, 1876–1945*. Seattle: University of Washington Press.
10. Eckert, C. (1996). Total war, industrialization and social change in late colonial Korea. In *The Japanese Wartime Empire, 1931–1945* (pp. 3–39). Princeton: Princeton University Press.
11. Henry T.A. (2016). *Assimilating Seoul: Japanese rule and the politics of public space in Colonial Korea, 1910–1945*. Berkeley: University of California Press.
12. Ivanov, K. V. (2012). Osobennosti integracionnoj politiki Yaponskoj imperii v Koree i na Tajvane v pervoj polovine XX v. [Features of Japanese Empire integration policy in Korea and Taiwan in early 20th century]. *Izvestija irkutskogo tehničeskogo universiteta*, (10), 350–356.
13. Ivanov, K. V. (2016). Istorija kolonial'noj Korei: politika, oprokinutaja v proshloe [History of colonial Korea: The policy tipped into the past]. In *Korejskij poluostrov v jepohu peremen* (pp. 94–103). Moscow: IDV RAN.
14. Kim, J. C. (2007). The Pacific war and working women in late colonial Korea. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 33(1), 81–103. <https://doi.org/10.1086/518392>
15. Kim, N. N. (2012). V poiskah metodologii issledovanija social'noj struktury Korei kolonial'nogo perioda [Colonial Korea's social structure: In search of research methodology]. *Vestnik rossijskogo koreevedeniya*, (4), 60–74.
16. Kimura, M. (2018). Colonial development of modern industry in Korea, 1910–1939/40. *Japan Review*, 2(2), 23–44.
17. Kohli, A. (1994). Where do high growth political economies come from? The Japanese lineage of Korea's "developmental state". *World Development*, 22(9), 1269–1293. [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(94\)90004-3](https://doi.org/10.1016/0305-750X(94)90004-3)
18. Kozlova, D. N. (2011). Ustanovlenie protektorata Japonii nad Koreej s točki zrenija mezhdunarodnogo prava [Establishment of Japan's protectorate over Korea from the point of view of international law]. *Vestnik rossijskogo koreevedeniya*, (3), 5–14.
19. Kurbanov, S. O. (2018). *Istorija Korei s drevnosti do nachala XXI veka* [History of Korea from the old days to the beginning of the 21st century]. Saint Petersburg: SPbGU.
20. La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., & Vishny, R. W. (1998). Law and finance. *Journal of Political Economy*, 106(6), 1113–1154.
21. Lee, H. Y., Ha, Y. C., & Sorensen, C. W. (Eds.). (2013). *Colonial rule and social change in Korea, 1910–1945*. Seattle: University of Washington Press.
22. Lehmbuch, G. (2000). Institutional change in the East German transformation process. The role of the State in the reorganization of property rights and the limits of institutional transfer. *German Politics and Society*, 18(3), 13–47.

<https://doi.org/10.3167/104503000782486507>

23. Lim, T.C. (1999). The origins of societal power in South Korea: Understanding the physical and human legacies of Japanese colonialism. *Modern Asian Studies*, 33(3), 603–633. <https://doi.org/10.1017/S0026749X99003388>

24. Makarchuk, O. I. (2010). Anneksija Korei japoniej v 1908–1910 [The annexation of Korea by Japan in 1908–1910]. *Voprosy Istorii*, (3), 153–158.

25. McNamara, D.L. (1990). *The colonial origins of Korean enterprise 1910–45*. New York: Cambridge University Press.

26. North, D.C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

27. Ostrom, E. (1982). *Strategies of political inquiry*. Beverly Hills: Sage.

28. Ovchinnikova, L. V. (2019). Kolonial'noe upravlenie v Koree (1910–1945) v zerkale sluzhebnyh izdaniy japonskogo general-gubernatorstva [Japanese colonial governance in Korea (1910–1945) reflected in governor-general office publications]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 13: Vostokovedenie*, 4–18.

29. Pak, B.D. (2006). SSSR, Komintern i korejskoe nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie: 1918–1925. *Ocherki, dokumenty, materialy* [The USSR, the Comintern and the Korean liberation movement: 1918–1925. Essays, documents, materials]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN.

30. Pak, M.N. (2003). *Istorija i istoriografija Korei* [History and historiography of Korea]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.

31. Palais, J.B. (1975). *Politics and policy in traditional Korea*. Cambridge: Harvard University Press.

32. Pantin, V.I. (2000). Smozhet li rossijskaja nauka ponjat', chto proishodit v Rossii? [Will Russian science be able to understand what is happening in Russia?] *Pro et Contra*, 5(2), 138–148.

33. Polterovich, V. M. (2001). Transplantacija jekonomicheskikh institutov [Transplantation of economic institutions]. *Economicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, (3), 24–50.

34. Roland, G. (2000). *Transition and economics. politics, markets and firms*. Cambridge: The MIT Press.

35. Shin, G.W., & Sin, K. U. (1996). *Peasant protest & social change in colonial Korea*. Seattle: University of Washington Press.

36. Shipaev, V. I. (1964). *Kolonial'noe zakabalenie Korei japonskim kapitalizmom (1895–1917)* [Colonial enslavement of Korea by Japanese capitalism (1895–1917)]. Moscow: Nauka.

37. Singh, P. (1970). Problems of institutional transplantation: The case of the commonwealth Caribbean local government system. *Caribbean Studies*, 10(1), 22–33.

38. Stephens, H. (2017). *Agriculture and development in an age of empire: Institutions, associations, and market networks in Korea, 1876–1945*. Retrieved July 25, 2021, from <https://repository.upenn.edu/edissertations/2593>

39. Stiglitz, J. (1998). Distinguished lecture on economics in government. The private uses of public interests: Incentives and institutions. *Journal of Economic Perspectives*, 12(2), 3–22.

40. Tikhonov, V.M., Kan Mangil. (2011). *Isporoja Korei. T. 1: S drevneishih dnei do 1904 g.* [History of Korea. Vol. 1: From ancient times to 1904]. Moscow,

Natalis.

41. Tsurumi, E. P. (2020). Colonial education in Korea and Taiwan. In *The Japanese colonial empire, 1895–1945* (pp. 275–311). Princeton: Princeton University Press.

42. Vasilevskaya, I. I. (1975). *Kolonial'naja politika Japonii v Koree nakanune agressii (1904–1910)* [Japanese colonial policy in Korea on the eve of aggression (1904–1910)]. Moscow: Nauka.

43. Yoo, T. J. (2016). *It's madness: The politics of mental health in colonial Korea*. Oakland: University of California Press.

Информация об авторе

Павел Александрович Барахвостов, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>, e-mail: barakhvostov@yandex.by

Information about the author

Pavel Aleksandrovich Barakhvostov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Belarus State Economic University, Minsk, Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>, e-mail: barakhvostov@yandex.by